

Виктор КОСТЕЦКИЙ

НОЖКИ И РОЖКИ РОСКОШИ

Жажда роскоши скатывается к алчности.

Сенека

В античной философии, греческой и римской, было много этических теорий на тему «Как правильно жить?». Вопрос, конечно, не стоял по отношению к деревне; это был вопрос исключительно для горожан, «цивитас». Для деревни вопрос «Как правильно жить?» имел однозначный ответ: «Жить надо, как все», — по традиции. С возникновением городов-государств и осмыслением городской жизни со времен Гесиода выяснилось, что трудно одновременно быть богатым и нравственным. С появлением писаных законов добавилось ограничение: законопослушность. Трудно быть одновременно богатым и законопослушным. Когда право с моралью не совпадает, еще сложнее. Законы создаются людьми, а людям свойственно ошибаться; соответственно, законы могут быть не только несправедливыми, но и безнравственными. Если же выставить требование правильной жизни в форме «быть *одновременно* богатым, нравственным и законопослушным», то этому могут последовать немногие. Тем не менее единичные экземпляры находились и получали особое обозначение в разговорной речи: «софосы», мудрецы. Нравственный идеал горожанина, человека цивилизации, в античные времена был однозначным: надо (!) быть богатым, нравственным и законопослушным одновременно. Отсюда рекомендации «семи мудрецов»: «Не богатей дурными средствами», «Лучше потеря, чем дурная прибыль».

Коллизии между богатством, нравственностью и правом не могли не приводить к трагедиям типа «Антигоны», что было всем очевидно. На слуху бытовал миф про царя Мидаса, богатейшего и всемогущего правителя, которого однажды отрезвил ответ мудрого Силена. Самоуверенный царь задал Силену вопрос: «Что для меня наилучшее?» — в ответ получил: «Лучшее для тебя невозможно — не родиться». Да, люди не заказывают свое рождение, расу, национальность, страну, сословие своих родителей, историческую эпоху, способ собственного умирания. Люди приходят в мир чаще всего не вовремя и не к месту, равно как и уходят из него. Не случайно на вопрос Фалесу, почему он не заводит детей, тот ответил: «Потому что люблю их». Можно сказать, что нулевая максима античности формулировалась просто: «Лучшее для человека — не родиться». Ф. Ницше, изучая античность, сформулировал афоризм: «Нормальные люди оптимистами не бывают».

Эллины, дойдя до осознания трагичности человеческой участи в реальном мире, вдруг повеселели. Смертным — так боги в театральных трагедиях говорили о людях — терять нечего, так что можно искать свои пути спасения — сыграть в жизнь. Выиграть

Виктор Валентинович Костецкий — доктор философских наук, профессор. Родился в 1955 году на Крайнем Севере, учился в Ленинграде, жил и работал в Сибири. С 2000 года преподает в разных вузах Санкт-Петербурга, в настоящее время — профессор Академии художеств.

нельзя, но весело пожить можно. В каждой философской школе античности появились собственные сценарии «правильной жизни». Одни упирали на наслаждение, другие на долг; одни говорили о свободе от общества, другие о свободе от собственных желаний; одни во главу угла ставили здоровье, другие пренебрегали им во имя жизни. Знаменитая фраза из сатир Ювенала «В здоровом теле здоровый дух» в первоисточнике звучала с продолжением «что редко бывает».

Однако сколько бы ни было философских концепций в античности о «правильной жизни», почти все игнорировали роскошь. Понятие роскоши не фигурировало в теории, а на практике вызывало у философов в лучшем случае иронию. Как-то Сократ, будучи приглашенным в богатый особняк и окидывая взором убранство, заметил: «Сколько же существует в мире вещей, без которых можно обойтись». С этим не согласился один из его почитателей по имени Аристипп. После смерти Сократа Аристипп переехал жить на южное побережье Средиземного моря в богатый город Кирену, обычаями схожий с древним Сибарисом. Жизнь в богатом городе, недалеко от не менее богатого Карфагена, привела его к мысли, что только роскошь есть жизнь со всеми ее радостями и слезами. Как рыбы живут в воде, яблоки растут на яблоне, так человек живет в роскоши — собственно человеческом ландшафте. Роскошь не означает безделья, ухода от познания, искусства, религии, политики, но означает естественное их развитие, без нажима со стороны власти, общества, природы. Роскошь, по Аристиппу, настолько естественна для человека, что вне роскоши не стоит жить. Сам философ ушел из жизни добровольно, правда, в глубоко почтенном возрасте: не стало физической возможности пользоваться плодами роскоши.

Позиция киренаика Аристиппа была воспринята обществом как одиозная: люди тянутся к роскоши при первой возможности без всякой философии. Между тем роскошь представляет собой очень коварное явление. Не случайно античная философия и христианство объединились в первые века нашей эры на основе противопоставления именно роскоши. Накануне перехода от республики к империи тяга к роскоши в римском обществе превосходила всякие разумные пределы. «Каждый порок бьет через край», — писал Сенека [Сенека, 1986, с. 282]. На протяжении нескольких столетий в Риме издавались так называемые «законы против роскоши» — ничего не помогало. В итоге республика обернулась империей. Как заметил в эпоху Просвещения Ш. Монтескье, «демократии погибают от роскоши, а монархии — от ее недостатка». В этом афоризме автора «О духе законов», любимого трактата Екатерины II, содержится целая концепция того, что такое роскошь.

В истории развития человечества у роскоши есть вполне определенная роль: служить целевой причиной технического прогресса и всех видов искусства. Основатели марксизма пытались доказать, что прогресс начинается с совершенствования орудий труда, но история техники не подтверждает эту гипотезу. Орудия труда являют собой чрезвычайно консервативный продукт, который при очевидной необходимости изменения веками остается неизменным. И только с изменением экономики или войны ради целей общества, включая роскошь, одни орудия труда вытесняются другими, порой без всяких попыток совершенствования. Например, шпага обязана своему возникновению не совершенствованию сабли, а развитию хореографии в придворном обществе. В свою очередь, сабля возникла не путем усовершенствования меча, а благодаря вытеснению пехотинца всадником с его рассекающим ударом с оттяжкой. Другой пример: развитие парусного флота в Новое время в значительной степени связано с доставкой специй из Индии, а специи служили основой роскоши в кулинарии. Показателен пример с историей металлургии: все «копи царя Соломона» с добычей золота, серебра, меди и олова служили изначально не целям производства ради эко-

номики и войны, а исключительно целям ювелирного искусства. Такие процессы, как выплавка металлов,ковка и пайка, прокат — все совершались в пределах крохотной ювелирной мастерской, иногда в пределах стола. Домны и мартены появились потом.

Оборотной стороны роскоши в общественном плане явился феномен разорения экономики города экономикой монаршего двора. Логика роскоши способна подчинять себе бюджетную политику государства и «государственных мужей». Античная цивилизация начиналась не только с миграции племен и вытеснения одних племенных союзов другими, но и с принципиального табуирования роскоши при возникновении городов-государств. Табу на роскошь в Древней Спарте сохранялась все века ее существования. В Афинах запрет на роскошь носил паллиативный характер: дома украшались снаружи, но не внутри; флейта запрещалась, а кифара нет; бороду носить разрешалось, а косичку из бороды — нет. Афиняне не ели на золоте и серебре, не разнообразили кулинарию. Роскошь долгое время в Элладе воспринималась как свидетельство дурного вкуса и варварства по типу восточных правителей.

Этической противоположностью роскоши в античном мире стала аскеза, причем в разных вариантах, от умеренности до полного игнорирования культуры. Само понятие роскоши формировалось как вид неумеренности, превышение необходимого, должного, традиционного, приличного. В словах Сапфо: «Я роскошь люблю; блеск, красота чаруют меня» — звучал вызов. Слово «гедонэ» первоначально означало лишь робкое признание любви к удовольствиям — в отличие от более позднего значения «купания в роскоши». Даже у Эпикура спустя столетия после Сапфо «гедонэ» далеко отстоит от роскоши, порой осуществляясь именно благодаря предварительной аскезе. Можно сказать, что общим отношением к роскоши со стороны античных философских школ было «бесстрашие», «невозмутимость», «безразличие». Осуждение вызывало преклонение перед роскошью, благоговение к ней, тем более пристрастие к «богатству» и фетишизм в отношении «сокровищ».

По своему происхождению роскошь обязана отнюдь не экономике. Феномен роскоши может существовать в бедности — как то, что доступно немногим. Среди немногих могут быть и умелые, и разумные, и просто случайные люди. Исторической родиной роскоши является древнейший социальный институт ранних цивилизаций — гарем. В гареме роскошью стало прежде всего межчеловеческое общение с соответствующей грацией и галантностью взглядов, жестов, слов, поступков. В гареме сексуальное общение поднялось высоко над сексуальностью, настолько высоко, что в эротике вдруг обнаружилось религиозное начало. Смысл гаремной религиозности состоял в том, что мужчина в гареме при всей кажущейся свободе отношений не может вести себя как придется, равно как и женщина. С возникновением чуткости в отношениях постепенно обнаружился некий канон поведения, по отношению к которому люди оказываются в роли актеров; в гареме все вынуждены играть отведенную им роль как в некоем спектакле по божественному промыслу. Самоидентификация производилась не с самим собой, а так, как будто все оказывались аватарами кого-то. Позднейшее представление «бог в нас» отчасти зарождалось в гаремах. Сугубо личное превращалось в неуместное. В свое время молодой Ф. Ницше заметил, что настоящая лирика всегда объективна, так что шаг влево, шаг вправо, и феномен лирики исчезает. Сугубо личное претит хорошему вкусу, как это бывает в «женских стихах», а сугубо общественное обращает лирику в формальный романтизм. Лирика «сверхчеловечна»; это, говоря словами Ницше, мост над пропастью, с одной стороны которого зияет пошлость, с другой — бездна идолопоклонства. Именно гарем как социальный институт задал личным переживаниям духовное измерение, сублимируя биологическую сексуальность в роскошь любовного общения.

Обращение интимных отношений в объективность лирики выявило простые закономерности. Например, женщины реагируют на подарки, причем раскрытием собственной сексуальности. Вся система гаремных отношений развивается в сторону выявления в женщине женственности, а в мужчине мужественности, причем следствием этой предзаданности является роскошь в самых разных отношениях: кулинарии, костюма, ювелирного искусства, гигиены, интерьера, досуга, лирики, эротики. В гареме «подарок» существует в координатах прогресса: с каждым разом все дороже, разнообразнее, неожиданнее. Сакральность гарема через «культуру» выходила на профанные пространства сначала дворца, потом улицы. Уникальность социального института гарема в том, что благодаря ему сопрягаются такие «непримиримые» противоположности, как тело и дух. Сопрягаются тело в его биологических подробностях и дух в его рыцарской духовности. С возникновением «придворного общества» с его открытой публичностью гарем уходит в тень, изживает себя как социальный институт, но продолжает свое инобытие в формах публичной куртуазности.

Роскошь объективно служит культуре, но лишь до тех пор, пока роскошь вещей не затмевает собой роскошь общения. Между тем это происходит с неизбежностью. Возникают ситуации, когда человек в своей тяге к роскоши не может остановиться. Проявляется одержимость, которая роскошью вещей изничтожает роскошь общения, низводя человека на уровень ниже животного. Происходит падение человека. Люди становятся омерзительными друг другу даже на фоне животных. Человечеству давно знакома эта ситуация на примере многих ранних цивилизаций. Диоген Лаэртский сообщает: «Кто-то восхвалял роскошную жизнь. „Таковую бы жизнь детям врагов наших!“ — воскликнул Антисфен» [Диоген Лаэртский, 1979, с. 236]. Осознанными формами сопротивления падению человека в результате одержимости роскошью являются религия и табуирование. Культура начинается не с мифов, символов, ритуалов, обрядов, а с табуирования, которое лишь «объясняется» мифами и поддерживается «традициями».

Табу — странный феномен, преграждающий путь привычным формам поведения, причем с требованием смерти за нарушение. Наивно искать источник табу в разумности человека или в стихии социальных отношений. Табу приходит извне, «сверху» — как озарение или сновидение авторитетному жрецу, монарху, предводителю, признанному пророку. Табу может казаться нелепым, смертное наказание чрезмерным: сколько женщин утопилось или удавилось из-за нарушения табу девственности, — но табу оберегает человечество от больших бедствий, об угрозе которых можно только догадываться.

Не существует ни одной религии, которая пропагандировала бы роскошь или не строила ей заслон. С другой стороны, не существует религиозных организаций, церквей, которые при пропаганде аскетизма не двигались бы в сторону роскоши. Роскошь затягивает человека и человечество, ведет себя как наркотик: сначала воодушевляет, потом губит всех, кто не может остановиться.

Существует миф, что христианская религия возникла в беднейшей провинции Римской империи среди беднейших слоев населения, миф о протесте угнетенных против социальной несправедливости. Конечно, и беднейшие слои населения были, и протесты были, и несправедливость никогда не покидала общество. Однако этих условий совершенно недостаточно для распространения протеста по всем слоям населения, тем более закрепления в самом высшем слое, да еще и в качестве государственной религии. Совсем уж странным случаем выглядит тот факт, что император Константин легализовал в империи христианство, не будучи сам христианином. Не менее странно выглядит и тот факт, что христианство в Римской империи распространялось изначально в самой тесной связи с философией античности, причем в ее

полном объеме. Довольно трудно себе представить, каким образом беднейшие слои населения свои религиозные чаяния не забывали связывать с философскими теориями многовековой давности.

Христианство — книжная религия, литературная, требующая грамотности и рефлексии. Характер христианской литературы поучительный, если не сказать педагогический. И педагогика христианства не доморощенная, а вполне продуманная и концептуальная. То есть такая, какая сложилась именно в античной философии и отрефлексированная по разным школам философии. Авторы христианской литературы не только были знакомы с различными этическими учениями античности, но были искушенными в их сильных и слабых сторонах. Самая сильная сторона античной философии — ее диалогичность, разнообразие концепций, оппозиции их друг другу с развитой системой аргументации. Самая слабая сторона античной философии — отсутствие понятий «внутренний мир человека», «уход в себя». И если бы не пробел в античной философии, обнаруженный с появлением христианского вероучения и заполненный им, оно не получило бы распространения по всем слоям римского общества.

В пояснение надо сказать следующее. Античная цивилизация возникла как демократия, то есть экономическая свобода частных домохозяйств. Демократия — это не диктат большинства над меньшинством (в плане решения коммунальных проблем), а равное право частных домохозяйств на рыночные отношения. В исходном смысле демократия возможна при монархической форме правления, особенно когда монархия является выборной — как и было в античности в «эпоху царей». Свобода предпринимательства приводила к наличию свободных денег, которые позволяли свободу действий в любом направлении: досуг, путешествия, любовные отношения, добровольное профессиональное увлечение. Наличие свободы на основе собственных денег и гарантий государства оборачивалось требованием: *никогда не уходи в себя — действуй!* В античной педагогике немислимым было бы требование «учиться всю жизнь»: учиться надо до 15 лет — потом жить. Политическая максима сводилась к тому, что *не надо иметь такое общество, в котором приходится «уходить в себя»*. В античной культуре не было феномена под названием «переживание»; даже лирика избегала интимных «воспоминаний», сводясь к сетованиям на свою судьбу. Лирика античности — это все что угодно, только не «переживание». Типичный пример:

Маленький мальчик, еще неразумный и слабый, теряет,
Чуть ему минет семь лет, первые зубы свои.

[*Античная литература, 1989, с. 97*].

На момент возникновения христианства античность в лице Луция Аннея Сенеки (55 до н. э. — 44 н. э.) подошла вплотную к тому, чтобы восполнить историческую брешь в философии Эллады и Рима. Сенека ввел понятие «совесть». Совесть — первые врата в мир личности, во «внутренний мир человека». Совесть осуществляется как внутренний цензор, как власть — но не внешняя, а внутренняя, «когда никто не видит». Сам Сенека определяет совесть как жизнь под взглядом: «Самое благотворное — жить словно под взглядом... человека добра» [Сенека, 1986, с. 57]. Эта ситуация, химеричная на первый взгляд, приводит к понятию стыда, стыда перед собой в качестве именно «переживания». Христианство настолько охотно подхватывает и развивает эту тему, что бл. Августин уже прямо требует: «Не выходи в мир, а возвращайся к самому себе: внутри человека пребывает правда» [Соколов, 1979, с. 68]. Девизом «Уходи в себя!» вместо «Познай себя» Аврелий Августин открыл новую страницу в античной философии, что было высоко оценено римским обществом.

Однако с какой бы стати богатым и свободным римлянам уходить в себя, наперекор многовековым традициям западной цивилизации? А причина в том, жизнь в обществе оказалась неожиданно перекрытой: роскошь заполонила всю политическую и частную жизнь, роскошь вышла на первое место при оценке человека. «Во времена империи, — пишет Ж.-Н. Робер, — эта неоправданная страсть к роскоши зачастую становилась единственным признаком принадлежности человека к избранному классу» [Робер, 2004, с. 146]. Сенатор Цицерон пишет и произносит обличительные речи на темы бесконечного стяжательства всех прокураторов, которые с провинций выкачивают все в собственные владения: мрамор дворцов, статуи, картины, библиотеки, налоги городов и бюджеты воинских подразделений. Должностные лица не просто воруют, но уворованное превращают в роскошь, которой публично гордятся без стыда и совести. Цицерон, обвиняя наместника Сицилии, полководца по должности, в воровстве, пишет: «...его носили ввосьмером, как вифинского царя, на носилках среди подушек, набитых лепестками роз и покрытых прозрачной мальтийской тканью; сам же он сидел с венком на голове и венком на шее, понохивая розы...» [Цицерон, 1975, с. 85—86].

Роскошь перестала быть частным удовольствием; она превратилась в общественное бедствие, во всеобщую одержимость. Как писал Сенека по этому поводу, «мы безумствуем не только поодиночке, но и целыми народами» [Сенека, 1986, с. 281]. Сенека — богатейший и могущественный гражданин Рима, воспитатель будущего императора (Нерона), олигарх — возопит против роскоши, от которой нет спасения и в которой утопает он сам. Император Нерон намеренно заваливал Сенеку дарами за его попытки противостоять роскоши — в качестве издевки.

Стратегию спасения предложило христианство: уход во внутренний мир. Очищение от страстей, навеянных роскошью. Очищение в разных формах, от храмовых мистерий до личной аскезы. С отказом от роскоши христианское вероучение сомкнулось с античной философией, вплоть до эпикуреизма. Вспомнили энтузиазм пифагорейцев, платоновскую этику долга, аскетизм киников и стоиков, гедонизм через аскезу Эпикура, аристотелевскую этику в ее единстве с эстетикой и учением о пороках, невозмутимость скептиков и экстатичность неоплатоников. Все вспомнили.

В школах риторики будущие надзиратели («епископы») христианства старательно изучали в школах риторики античную философию, а потом преподавали одновременно вероучение и философию. Типичным примером может служить биография Оригена. «Приступая к составлению своей системы, — пишет переводчик Н. Петрова, — Ориген был приблизительно 42 лет (род. 185 г.); в то время он уже около 25 лет неутомимо занимался изучением Св. Писания, около 18 лет изучал и преподавал философию» [Ориген, 1993, с. 9]. Вся эпоха патристики пронизана синтезом вероучения и философии, организованным далеко не беднейшими и угнетенными слоями. Напротив: не бедность угнетенного населения, а всеобщая и пугающая тяга к роскоши послужила социальной базой принятия и распространения христианства. Если в рождении христианства страх и сыграл какую-то роль, то никак не страх смерти, а страх безудержного поглощения человека и государства роскошью.

В истории человечества периоды, когда безумствуют «целыми народами», возникают регулярно, с пугающей закономерностью. Благородные монархии обращаются в подлые тирании, церковные организации в инквизиции, государственная служба в казнокрадство, революции в «поиск ведьм», демократии в империи лжи, технический прогресс в расчеловечение. Роскошь не исключение. Под предлогом тяги к прекрасному возникает одержимость, доводящая до тяги к безобразному, к «цветам зла». Способов расчеловечивания множество; метод один — одержимость, сползающая в бесовство. Ж.-Н. Робер, перечисляя обстановку знатных римлян, вынужден

признать, что «скопление сокровищ оставляет определенное тягостное впечатление одержимости» [Робер, 2004, с. 153].

Одержимость — это еще не религия; бесовство, сатанизм, конечно, феномены религиозного опыта. Одержимость наблюдается при безумии, при наркотическом воздействии, при вполне достойной целеустремленности. Бесовство — это прежде всего насмешка над «смертными»: подвести слепого к краю пропасти и дружески шепнуть: «Шагай». Адольф Гитлер тоже был в детстве ребенком, а в Первую мировую войну смелым солдатом, потом мечтал об искусстве, о восстановлении достоинства своей нации, добился успехов в политике, а в итоге превратился в монстра в своей государственной деятельности — причем нация ничего не замечала; только ошеломляющий разгром привел нацию к частичному разумению. Религия начинается не с верования, не с «веры в сверхъестественное» — как об этом судачат словари. Религия начинается с того, что фиксируется бесовство, которое рядом. Начинается все под благовидным предлогом, потом начинают жечь желания и мысли наплывают неизвестно откуда сами собой, вскоре приходит успех, а заканчивается все тем, что нет сил сойти с дороги, которая ведет в пропасть. Как говорили в античные времена, «одних судьба ведет, других тащит». Любовь к роскоши так тащит человека в неизвестном входе направлении, что в одержимости рождаются стихи:

Пусть хоть руки отнимутся,
Пусть отнимутся ноги,
Спину пусть изувечит горб,
Пусть шатаются зубы —
Лишь бы жить, и отлично всё!

«Это гнусное выклянчивание жизни», как сказал о стихе Мецената Сенека, подкрепляется именно роскошью, ярым апологетом которой был знаменитый Меценат, друг императора Августа. Роскошь компенсирует все: старость, уродства, инвалидность. Гай Цильний Меценат (70—8 до н. э.) почему-то верил, что роскошь спасет Рим. Тысячелетия спустя на эту веру появился ремейк: «Красота спасет мир». Только роскошь и красота не вещей, а человеческих отношений спасут мир. У Аристотеля в его этике было понятие «прекрасный поступок», от созерцания которого у людей прекрасными становятся лица. Те вещи и дела прекрасны, от созерцания которых даже некрасивые лица становятся красивыми. Но когда от роскоши одних искажаются лица других, спасения ждать не стоит никому.

Литература

- Античная литература. Греция. Антология. Ч. 1. М.: Высшая школа, 1989.
Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979.
Ориген. О началах. Новосибирск: Лазарев В. В. и О, 1993.
Робер Ж.-Н. Рождение роскоши. Древний Рим в погоне за модой. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
Сенека Л. Нравственные письма к Луцилию. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1986.
Соколов В. В. Средневековая философия. М.: Высшая школа, 1979.
Цицерон. Избранные сочинения. М.: Худ. литература, 1975.